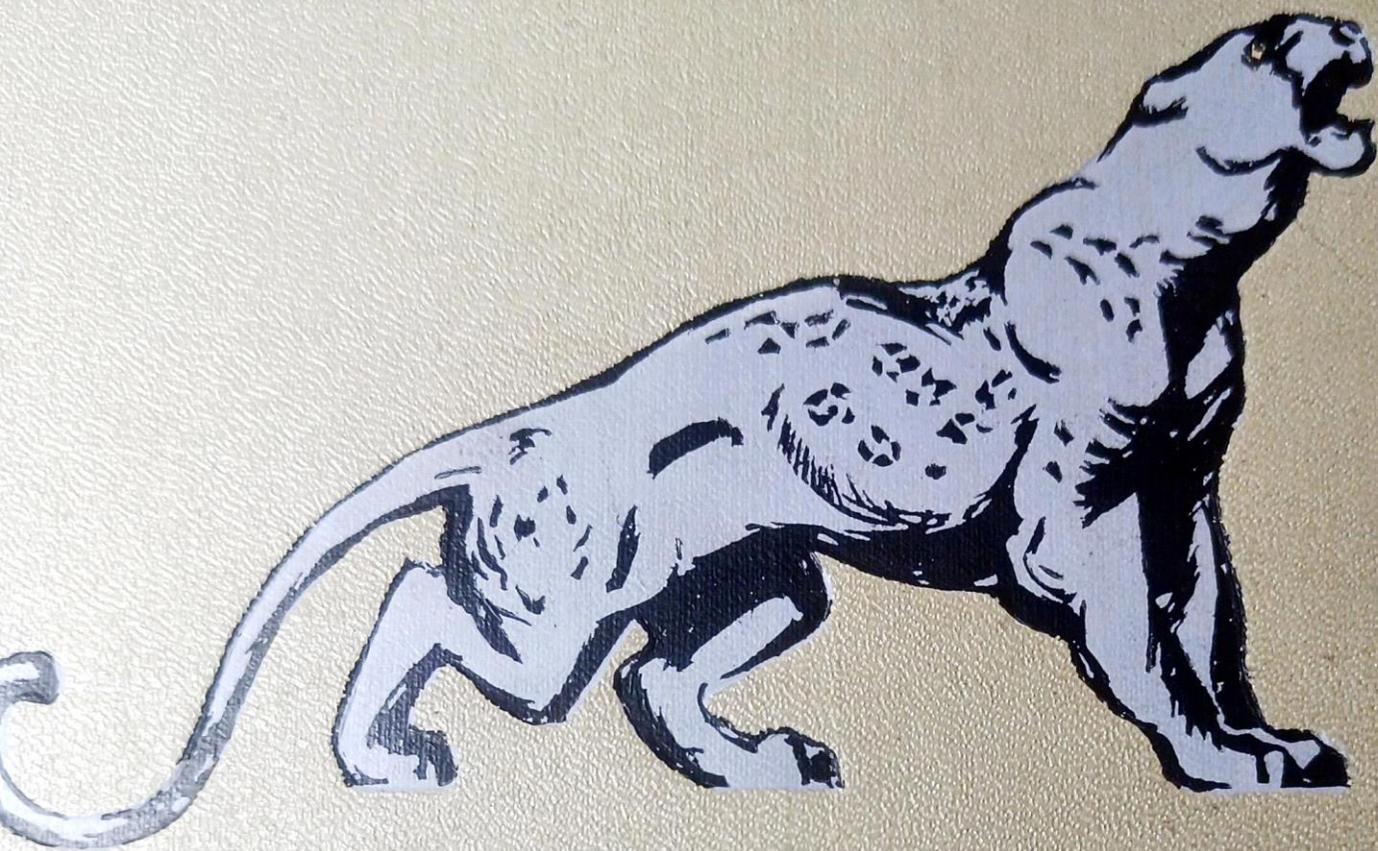

В.А.ВАТАГИН

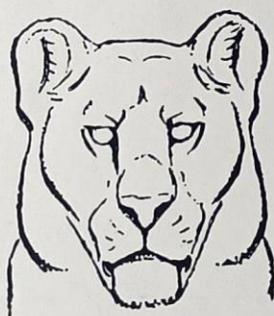

ИЗОБРАЖЕНИЕ
ЖИВОТНОГО

В. А. ВАТАГИН

ИЗОБРАЖЕНИЕ
ЖИВОТНОГО

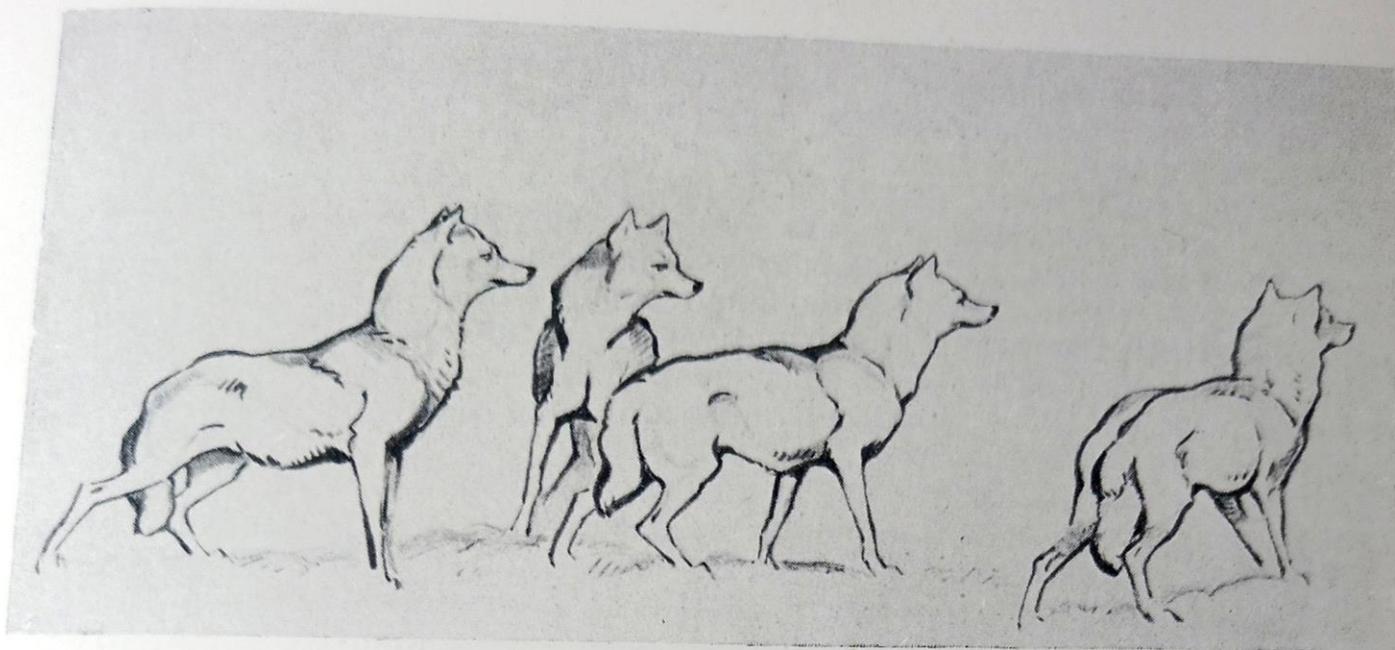
Записки анималиста

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

“ ИСКУССТВО ”

МОСКВА • 1957

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБРАЩЕНИЕ К ИСКУССТВУ

С тех пор как я помню себя, моим любимым занятием было рисование. Дома и в гостях, получив бумагу и карандаш, я мог рисовать часами не скучая. Рисовал я зверей и птиц и только экзотических.

Меня всегда поражают рисунки детей младшего возраста — так они непосредственны, смелы и условны, композиция их так неожиданна, так остро воображение... Мои детские рисунки не имели ни одного из этих качеств. Они были скучны и однообразны и детскими оставались только по выполнению. С раннего возраста я стремился к точному изображению животных и старательно срисовывал скучные иллюстрации зоологических учебников.

Моя мать, учительница гимназии, приносила мне зоологические таблицы и атласы. Я наслаждался этими рисунками, на них воспи-

тывался мой вкус. В 90-х годах начало выходить многотомное издание „Жизнь животных“ Брема с рисунками Шпехта, Куннерта и Мютцеля. Эти иллюстрации надолго стали моим идеалом. Лучших изображений животных я не видел и не мог себе представить. Сильное впечатление производили на меня иллюстрации многотомной зоологии Бюффона. Все это были мастерские, но чисто зоологические рисунки. Еще несколько зоологических атласов, рисунками которых я восхищался, дополнило круг моих ранних впечатлений. Иных эстетических впечатлений я не получал. Педагогическая среда, в которой я рос, не имела отношения к искусству. Родные не мешали моей склонности к рисованию, но и не могли активно содействовать ее развитию.

Моя юношеская любовь к изображению животных зоологического характера несомненно отразилась на характере дальнейшей работы. „Зоологическая закваска“ продолжала действовать всю жизнь. С пятнадцатилетнего возраста я начал по воскресеньям посещать студию художника-акварелиста Н. А. Мартынова. Мартынов сразу оценил мои рисунки с зоологической точки зрения. Он был знаком с известными орнитологами Н. А. Северцевым, М. А. Мензбиром, П. П. Сушкиным, рисовал для них и решил сделать из меня иллюстратора зоологической научной литературы. Имея склонность к зоологии, я охотно подчинился этому направлению, не представляя иных возможностей изображения животных.

В студии Мартынова я впервые начал рисовать с чучел. Мартынов ставил передо мной чучело птицы или зверя и предоставлял рисовать его, как умею. Он не давал никаких пояснений о необходимых элементах рисунка: ни о характере линии, ни об обобщенности формы или цвета, ни о светотени, ни о композиции или о расположении рисунка на месте, не говорил о способе заливки акварелью. Иногда подходил и ободряюще говорил: „Действуйте, действуйте!“ И я действовал, как умел. С какой-то точки на листе я рисовал клюв птицы, потом глаз, голову, а затем перо, за пером всю птицу. Только благодаря ощущению формы и пространства натура всегда умещалась на листе. Раскрашивал я рисунок также по кусочкам, начиная с клюва, причем не имел представления ни о приемах акварельной техники, ни о соотношении цветов или частей к целому. Я не имел тогда представления о живописной связи предмета с окружающим пространством и только благодаря инстинктивному чувству цвета и формы заканчивал рисунок птицы похожим на натуру.

Когда рисунок на белом листе был готов, Мартынов садился на мое место и, не считаясь с тем, что в стеклянном глазу птицы отражались рамы окна, что освещена она была с одной стороны,

подрисовывал пейзаж, говоря, что надо уметь нарисовать птицу в обстановке. О связи цвета, формы, светотени птицы и пейзажа он ничего не говорил и, видимо, не считал это существенным. Так, проучившись у Мартынова несколько лет, я приобрел навыки зоологического рисунка. Под руководством Мартынова я приобрел привычку доводить рисунок до конца, передавать подробности, часто скучные и добросовестно исполнять работы малоинтересные.

Самым существенным в моем обучении было то, что впервые от Мартынова я услышал о необходимости рисовать с живой природы. В 1900 году я был переведен без экзамена в седьмой класс гимназии. Мартынов помог устроиться мне рисовать в Московском зоологическом саду, предоставив и здесь действовать, как умею. С этого года зоологический сад, главным образом московский, стал моей школой рисования животных. И до сего времени я продолжаю учиться в этой школе.

Ко времени окончания гимназии, в седьмом и восьмом классах, рисование и живопись играли уже значительную роль в моей жизни. Тем не менее по окончании гимназии я поступил в университет. Прежде всего потому, что в том кругу, где я вырос, считалось необходимым получение высшего, университетского образования для всякого рода деятельности. Кроме того, я не был уверен в своих художественных силах и не представлял, что могу стать художником-профессионалом.

По склонности к зоологии я выбрал естественный факультет. Наука как специальность не увлекала меня, и я окончил университет, получив общее естественно-научное образование. Характер моего рисования нашел применение в иллюстрировании научных работ. Я мог представить, *что* нужно и *как* нужно изображать природу для лучшего уяснения научных положений. Образовалась как бы связь между знанием и изображением, между отвлеченным понятием и реальным представлением. Так возникла та научная иллюстрация, над которой я продолжаю работать и по сей день.

Я слышал, что учиться рисунку следует на живой человеческой натуре, и, уже будучи на втором курсе университета, начал посещать художественную школу К. Ф. Юона. Мартынов очень недоброжелательно отнесся к этому шагу, считая, что рисовать человеческую природу мне незачем.

От К. Ф. Юона я впервые услышал о принципах техники, теории рисунка и живописи: о свойстве линий, о передаче формы, о характере цвета, о тоне, о композиции; и я мог сознательно отнести к тому, что делал раньше „по чувству“. Ощущение цвета и формы становилось осознанным восприятием. Разумеется,

что это осознание восприятия и понимание цвета и формы, их практическое осуществление развивались всю жизнь, но поиски собственного направления, напутствие в искусство я получил от Юона.

На всю жизнь запомнился мне следующий эпизод. Я уже самостоятельно рисовал цветные композиции птиц в натуральную величину (кречетов) на пейзаже как иллюстрации для орнитологических работ профессора М. А. Мензбира. Я старался рисовать их как можно лучше и считал, что достигаю в рисунке впечатления живой птицы. Юон обычно хвалил мою свободу рисунка и особенно композиции. Но, когда я показал ему свои зоологические рисунки, он спросил: „А где же искусство?“ До сих пор, вот уже в течение пятидесяти лет, этот вопрос стоит передо мной, и всю жизнь я стремлюсь найти в моих работах возможно большую долю искусства.

В то время этот вопрос застал меня врасплох, заставил подумать и прийти к выводу, что не всякое изображение животного является искусством, то есть создает художественный образ. Это было для меня открытием.

За время прохождения университетского курса определились и окрепли мои художественные склонности. Этому помогли, с одной стороны, влияние Юона и впечатления от поездок на Кавказ, Мурман и особенно поездка по Греции и Италии, а с другой — наладившиеся работы по научной иллюстрации. Вместе с тем обозначились те два противоположных направления в моем изображении животного, которые позднее привели к острому конфликту: это свободное выявление художественного образа с одной стороны и научная иллюстрация — с другой. Чтобы легче выяснить противоположную сущность этих направлений, следует представить их в крайнем проявлении, в их „чистом виде“.

картиной или тематической скульптурой биологического содержания.

ОБРАЗЫ ИСКОПАЕМЫХ ЖИВОТНЫХ

Я хотел бы остановиться еще на композиции образа животных, давно исчезнувших с лица земли. Их ископаемые остатки, их окаменелые кости, через миллионы лет сохранившие свою форму, всегда захватывали мое воображение, вызывали стремление оживить их, восстановить живой, необычайный облик этих существ. Скелеты многих из них собраны целиком, их пропорции ясны, их можно

одеть соответствующими мускулами, а покровы их — мех, кожу или чешую — можно дорисовывать по аналогии с ныне живущими их потомками.

Знание современных животных и воображение помогут дать им живое движение, окружить их необычайные силуэты не менее удивительным ландшафтом, элементы которого дадут ископаемые остатки растений соответствующей эпохи.

Но при решении цвета окраски первобытных животных придется задуматься. Для построения их формы есть основание — скелеты и связанная с ними анатомия, — но решение окраски всецело зависит от воображения.

Среди современных животных мы редко встретим одноцветно окрашенных. Скорее мы найдем смелые сочетания разнообразных цветов. Природная окраска животных всегда изумляет своей неожиданностью, гармонией, ритмом узоров, той убедительностью, против которой нечего возразить.

Несомненно, и ископаемые животные были разнообразно раскрашены, может быть, так же необычайно, как необычна их внешность.

Трицератопс. Ископаемый ящер. Рисунок и акварель

Мамонты. Масло

Нужны немалые усилия воображения, чтобы представить эти фантастические образы живыми, реальными существами; они двигались по суше, плавали в воде, летали по воздуху, подчиняясь тем же законам динамики, свет и воздух охватывал их в тех же закономерностях. Если бы их видел человеческий глаз, то в тех же условиях масштаба и перспективы окраска их была так же реальна. Изображая таких животных, я вижу их цвет и цвет окружающей природы несколько приглушенным. Мне представляется как бы не совсем реальные существа на не совсем реальном пейзаже. В романтической дымке встают передо мной из глубин времени эти необычайные и вместе с тем влекущие к себе образы.